

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

ЛЕТНИЙ СНЕГ

Мы привыкли, что зимой выпадает снег, а летом идёт дождь. Но это в природе, всё закономерно, и так происходит уже тысячи лет. А вот человеческие отношения, характеры, поведение, по утверждению писателей, художников и... либералов, не должны быть подвластны никаким законам. Свобода без берегов. Нет закономерностей, всё хаотично, но, как говорят сегодня, это управляемый хаос. И всё-таки бывает, что и природа возмущается и выказывает свою непредсказуемость: вдруг в конце зимы проглянуло солнце, и термометр показал почти 20 градусов тепла! Снег и жара... Чудо! Скажете, так не бывает? Такое случается, возможно, в горах, но на равнине, в городе такого никто ещё не наблюдал. А мне посчастливилось. Но самое интересное, что меня это поразило меньше, чем когда я встретила с чем-то подобным в поведении человека. Парадоксы в характере и в поступках поражают гораздо больше, чем чудеса в природе.

“Глядишь – негодяй негодяем, // но чудом каким-то, Бог весть, // сквозь сумрак, что не пробиваем, // то совесть пробьётся, то честь”, – написал поэт, правда, не помню, кто именно. Но в сознании всплыли эти строчки, когда встретила в жизни со схожей ситуацией. Или наоборот, когда под благородной внешностью, добродетельным поведением кроется подленькая душа. Тот самый случай, когда говорят “в тихом омуте...”

Итак, мороз и солнце, нет, я ошиблась, – жара и снег. Вхожу, ослеплённая солнцем, под тёмные своды магазина, снимаю солнцезащитные очки, бросаю их в сумку и направляюсь во фруктовый ряд. Люблю яблоки “голден”, хотя говорят, что они настолько “облиты” консервантами, что есть их – просто травить себя. Но если слушать всё, что нам сообщают сегодня о продуктах, которые мы покупаем в магазинах, то изобилие превращается в нечто противоположное. Как в сказке про горшочек каши. Но ведь те, кому полагается реагировать и принимать меры, хранят упорное молчание. Может, потому, что у них на столе другая пища или нет хода назад – всё заражено, и мы обречены на медленное умирание. Об этом говорят все, даже старушки у подъезда. “А воз и ныне там...” Умники предлагают перейти на биопродукты, забывая о том, что большинству населения такая “диета” не по карману, пенсии или зарплаты хватит лишь на одну неделю. Это реальность, с которой нам предлагают смириться. И мы смирились. Но, кажется, я отвлеклась.

Продолжим наше путешествие по магазину. Я выбираю яблоки и для удобства кладу сумочку рядом, в коляску. Отобрав яблоки с жёлтым бочком, кладу в пакетик и оглядываюсь, а сумочки нет... Я ещё не верю, что сумка исчезла. Там все документы и много денег, которые я приготовила для покупки тура в Италию. Я мечусь по магазину, заглядываю в чужие корзины и коляски, на меня все смотрят с удивлением, я говорю громко, что исчезла сумка. Меня сочувственно спрашивают, а где я была до прихода в магазин, может, я там оставила сумку. “Да нет же, я нигде не была, я вошла в магазин,

сняла очки и бросила их в сумку”. И всё-таки выхожу из магазина и проделываю путь до дома и обратно, в наивной надежде что кто-то нашёл сумку и вернёт её мне. Потом, вся взъерошенная, безумно расстроенная, подхожу к охраннику, и он меня ведёт на второй этаж, где расположена видеочамера. И мы в скоростном режиме начинаем просматривать плёнку, зафиксировавшую всё, что происходило в зале за последние два часа. И, несмотря на пережитое, я с интересом смотрю, как люди выбирают, рассматривают продукты, многие теперь уже с лупой, и пытаюсь не пропустить кадры, где я входила в магазин. Охранник оказался разговорчивым. На столе у него валялась куча фотографий.

– Посмотрите, может быть, узнаете кого-нибудь, кто в этот момент крутился рядом с вами, – это те, кого поймали на краже, – и он передал мне эти карточки. Я рассматриваю фотографии и удивляюсь персонажам, представшим передо мной.

Я всегда считала, что крадут, тащат в магазине мальчишки, подростки, “шоплифтеры”, как их называют в интернете. Украдут конфеты, жвачку, пиво, а потом, ничего не боясь, выкладывают, как теперь говорят, фотки в интернете и рассказывают о своём преступлении, не стыдясь, считая это нормальным делом. Хвастаются своим умением незаметно содрать электронные метки и пластиковую полоску, которая не на виду, а спрятана где-то сбоку и пронести через охрану, чтобы не заорала сигнализация. Эти фокусы – порождение какой-то новой морали, которая предполагает вызов общепринятому, взрывает наши представления о том, “что такое хорошо и что такое плохо”. И самое интересное – всему этому уже есть английское название. Значит, всё это слизывается откуда-то, не наше, не российское изобретение. Но как быстро становится оно нашим достоянием! Это и поездки на крышах вагонов метро и поездов – такое лихачество на грани смерти под названием “зацеперство”, – и поджог на стадионах фаеров, и даже знаменитые ночи в музеях. Представляю, как на меня набросятся ревнители приобщения народных масс к культуре, хотя это настоящая профанация. Просто любители развлечений получили законную возможность потусоваться ночью, и не где-нибудь, а в музее, и похвастаться этим в интернете, забывая о том, что кто-то должен охранять их, работать и не спать. И многое другое, что именуется сегодня западной культурой, приобщение к которой является знаком “продвинутости”.

Но на карточках, которые дал мне охранник, к моему удивлению, как я уже сказала, не было подростков, а были люди пожилого возраста, прилично одетые, и лица довольно благодные, никаких бомжей или алкоголиков.

– А что воруют эти люди? – спросила я, поражённая лицами, увиденными на карточках.

– Да всё. Даже яйца выпивают, как говорится, не отходя от кассы.

В это время в комнату заглянул молодой парень, который оказался директором магазина. Он выразил мне сочувствие и стал вместе с нами просматривать плёнку, узнав, что я журналист. Я решила это сказать не без тайной мысли, что это подвигнет их на более активный поиск. Я вновь высказала своё удивление контингентом “воришек”, на что он мне ответил:

– Думаю, они воруют, потому что никогда раньше не видели такого изобилия. В “Совке” не было выбора. А сейчас глаза разбегаются. Им хочется всё это купить, а денег не хватает. Пенсия слишком мала, чтобы позволить себе что-то лишнее.

– Получается, что воруют не от бедности, а от богатства.

– Да, можно сказать и так. Чтобы обеспечить сегодня себе и своей семье достойный уровень жизни, надо вкалывать 24 часа в сутки. Я прихожу на работу в шесть часов утра и ухожу в шесть, без выходных. Надо всё проверить, следить, чтобы не воровали и не пили. Сплю всего 4 часа. А чтобы не слететь с катушек, по 4 часа качаюсь в фитнес-зале. Но вы не подумайте, я не поклонник современной системы, я за народный капитализм.

Мы совсем об этом мало знаем, но вот в Америке к концу XX века 14 миллионов работников совместно владели контрольными пакетами акций компаний, в которых они трудились. И не только в Америке. В такой мировой корпорации, как “Проктер энд Гэмбл”, на долю сотрудников приходится до 33% акций. Когда все заинтересованы в конечном результате, не надо работать круглые сутки начальству.

– Смотрите, кажется, вы входите в магазин, – прервал пламенную речь директора охранник. Мы повернулись к экрану, и я увидела себя. В руках у ме-

ня сумка, я кидаю её в тележку и направляюсь во фруктовый ряд. Но дальше... я отхожу от тележки, к ней подходит женщина, ставит рядом со мной свою сумку, а мою откатывает в другой ряд, потом берёт мою сумку, кладёт в свой пакет и удаляется в глубь магазина. А далее всё, как я описала вначале. Но самое ужасное – в этой женщине я узнаю свою соседку, с которой я пересеклась в лифте и поделилась по пути в магазин, что собираюсь ехать за путёвкой.

– Господи, какой ужас, что теперь делать? Я её знаю, она моя соседка, – воскликнула я, поражённая увиденным.

– Она из вашего дома. В какой квартире живёт? Как её фамилия? Я сейчас передам всё в милицию и, будьте уверены, вам вернут сумочку в целостности и сохранности.

– Но мы же соседи и встречаемся чуть ли не каждый день. Как я буду ей в глаза смотреть? Мой внук учится с её дочкой в одном классе. И, по-моему, влюблён в неё.

– Странная вы женщина... Пусть она думает, как ей смотреть вам в глаза. Вот такой диалог произошёл между мной и молодым директором магазина.

– Давайте сделаем по-другому. Вы позвоните ей и пригрозите, что передадите дело в милицию, если она не отдаст сумку с деньгами и документами. Но, пожалуйста, пообещайте, что вы не скажете ей, что вы видели своими глазами, как сумка оказалась в её пакете.

– Что за интеллигентские штучки! Вор должен быть наказан хотя бы общественным осуждением. Но если вы так хотите, пожалуйста, ставьте эксперимент. Если будете об этом писать, только не упоминайте наш магазин и мою фамилию. Моим хозяевам это может не понравиться.

Я пришла домой расстроённая, в смятении чувств и стала вспоминать все самые большие потери в своей жизни. Две истории врезались в память навсегда. Как там поётся в песенке: “Кто-то теряет, кто-то находит...”. Так вот. Это случилось теперь в уже далёкие советские времена. Меня наградили орденом “Знак почёта”. Это была довольно престижная награда, к тому же я была первой из редакторов журнала, кто удостоился этой чести. Я тогда работала в крупном издательстве, и наш главный редактор решил торжественно отметить это событие. По какой-то один Бог знает откуда взявшейся традиции, орден даже собирались “обмыть” в вине. Я поехала в Кремль, там мне торжественно вручили орден в атласной коробочке, я полюбовалась этаким симпатичным сувениром, положила его в сумку и поехала на годичное собрание Академии педагогических наук. Я опоздала, уже прошла первая часть заседания, народ высыпал в фойе, было много знакомых авторов, которые знали о полученной награде, меня поздравляли, просили показать орден, а потом известный учёный, Низова Алла Михайловна, решительно вынула орден из коробочки и нацепила его мне на шёлковую кофточку. Мы сделали с ней один круг по фойе и уже когда вместе с толпой направлялись в зал заседаний, я обратила свой взгляд на кофточку, но ордена... не обнаружила. Стали искать его под ногами. Когда толпа схлынула, обшарили всё фойе, достали даже веник, но ордена не было нигде, как сквозь землю провалился. Я была в отчаянии! Что я скажу в издательстве? Представила разочарование главного редактора, когда он узнает о потере. Я сорву ему мероприятие, которое он задумал в тиши своего кабинета для поднятия нашего “тонуса”. Противно было и то, что орден исчез не на улице, а в элитной “научной” толпе, где не было случайных людей.

Президент Академии Михаил Иванович Кондаков объявил с трибуны о потере. Но никто не откликнулся, орден как в воду канул. Кондаков, узнав о предстоящем мероприятии в издательстве, которое срывается по моей вине, предложил свой вариант выхода из трудной ситуации. Он, очевидно, вспомнил, историю с подвесками из романа Дюма “Три мушкетёра” и попросил академика Королёва, единственного члена Академии, награждённого этим орденом, одолжить его мне на вечер, чтобы отпраздновать в издательстве задуманное главным. А дальше уже всё шло по накатанному. За орденом для безопасности поехал мой муж с “охранником”, орден окунули в чан с вином, главный, как ребёнок, радовался вожденной игрушкой, а на следующий день её отвезли академику, который, как мне передавали потом, не единожды рассказывал эту историю в своём кругу. В общем, было над чем посмеяться серьёзным учёным.

И ещё одна потеря запомнилась тоже на всю жизнь. Шёл 1990 год. Как-то, когда надо было платить очередные взносы в партийную кассу, тогда была всего одна партия и называлась она КПСС, я обнаружила, что партбилета нет.

Я обыскала весь дом, перетряхнула все ящики, отодвинула все столы, но партбилета нигде не было. Вам может показаться, что это какая-то ерунда. Подумаешь, какая великая потеря. Можно выписать дубликат. Но утрата этого документа влекла за собой как самое малое выговор, обсуждение на собрании, приклеивание к тебе ярлыков “разгильдяйство”, “отсутствие партийной дисциплины и чувства ответственности”, “легкомыслие” и т. д. В общем, уничтожение тебя как личности. Всё это я представляла себе воочию каждый месяц, когда надо было в очередной раз платить взносы. Меня спрашивали, где мой партбилет, а я всякий раз врала, что забыла дома и принесу в следующий раз. И так продолжалось целый год.

Недавно я слушала передачу, посвящённую творчеству замечательного артиста Папанова. Одна из его ролей – это роль Волка, которая запомнилась многим поколениям зрителей. И, как вы правильно рассудили, человек в роли волка не может быть трусом. Он был смелый человек и в жизни не совершал поступков, которые считал для себя неприемлемыми. Когда его вызвал главный режиссёр театра им. Вахтангова и спросил, почему он не вступает в партию, Папанов ответил: “Потому что боюсь потерять партбилет”. Это оказалось весомым аргументом. И от него отстали, хотя в этих словах содержалась известная доля иронии и аполитичности, как могли бы сказать в то время.

Как я уже сказала, я скрывала свою потерю целый год, не могла решиться на признание, труслива и к тому же самолюбива была от природы. И однажды случилось чудо. В обшивке дивана, в самой его глубине затерялся мой билет. Я нашла билет и была счастлива несказанно. А на следующий день Ельцин объявил о роспуске КПСС, и люди рвали и сжигали билеты. Это я всё к тому, как неожиданно может разворачиваться судьба и не только отдельного человека, но и огромной страны.

Так, размышляя о своих прошлых потерях и вообще о жизненных коллизиях, когда невозможно что-то предвидеть, я незаметно задремала, и вдруг раздался звонок, звонила соседка и, как и предполагал директор, сказала, что нашла мою сумку. Говорила в приподнятом тоне, и я отвечала ей таким же наигранно радостным голосом, заверила соседку, что теперь я её должница до самой смерти. Но мне противна была эта ситуация, я устала от её вранья и постаралась поскорее закруглить разговор. А потом пришла её дочь. На пороге стояла красивая девушка с короткой модной стрижкой, с развитыми женскими формами. Она очень изменилась за последнее время, как говорится, из гадкого утёнка превратилась в прекрасного лебедя. Я знала её с самого детства, с тех пор, как они с внуком ходили в одну группу детского сада. Она стала мне пересказывать версию матери, где и когда мать нашла сумку, но в отличие от матушки чувствовалось, что говорит искренне, радуется находке и возможно материю меня обрадовать.

Я открыла сумку, все документы и деньги были в целости и сохранности, даже нашлись денежки в глубине сумки, в тайном карманчике. Гостью звали Лена, ей хотелось со мной поговорить, а меня распирала злость на эту семейку.

– Я хочу быть журналистом, – неожиданно вымолвила она и замолчала, а потом добавила: – Как и вы”.

На что я ответила нравоучительно:

– Для этого надо много читать и очень хорошо учиться.

Я не поддержала её желание продолжить разговор, и даже мелькнула подлая мысль: “Уже дочь воровки мечтает стать журналистом. Наверное, считает, что это самый лёгкий путь к достатку. На память пришла слова из известного индийского фильма “Бродяга”: “Сын вора будет вором”.

Ах, если бы можно было повернуть время вспять. Ей так нужна была поддержка, доброе слово, общение, когда тебя безусловно принимают, тебя слышат, с тобой считаются.

Прошло, наверное, полгода после истории с сумочкой, я уже не так остро вспоминала случившееся, и вдруг приходит внук, совершенно невменяемый, и обрушивает на меня новость:

– Ленка с балкона упала. Перегнулась через перила и вниз головой с 15-го этажа.

В первую минуту я не могла понять, о какой Ленке идёт речь.

– Ну та, мать которой украла у тебя сумку, – сказал внук и залился слезами. . .

– Откуда ты это взял, – спросила я, совершенно убитая услышанным.

– Да охранник сказал. Он оказался чей-то знакомый. И по всему интернету пустили, что у неё мать воровка.

– Но почему ты мне ничего не сказал? Получается, что девочка ответила за мать, за её неблагоприятный поступок. Она принесла мне сумку, очевидно, даже не догадываясь, как она попала в руки матери.

– Ты даже не представляешь, что они писали ей в интернете. Особенно их обозлило то, что она не захотела общаться с нашими ребятами. Она была влюблена в Лёвку из 10-го Б, так они ему такое о ней писали... Они даже подстроили, что у Генки, моего соседа, пропал смартфон, они его специально спрятали, а потом подложили Ленке, как будто она его стащила. Но Ленка зачем-то залезла в сумку и нашла его, и прямо на уроке встала из-за парты, прошла через весь класс и положила его на стол классной, сказав громко: “Эти подонки никак не успокоятся”.

Марья, наша классная, сделала вид, что ничего не поняла. Она тоже Ленку ненавидела за то, что та ей постоянно грубила, вопросы всякие задавала, и та не знала, как на них ответить. Недавно она спросила:

– Почему у нас считается образование бесплатное, а без конца побо-ры, то на одно, то на другое деньги собирают. Учителям зарплаты, что ли, не хватает?

Или:

– Почему у Вадьки, двоечника, оказалась четвёрка за четверть по математике? Наверное, отец его отвечал за него.

Отец Вадьки работает каким-то большим начальником, а мать без конца учителям подарки носит. Ребята видели.

– А почему президент всё время боится, что деньги разворуют? Это что, правительство ворует? Почему тогда их не судят?

Этим вопросом она вчера на уроке истории Марью доконала. Она на неё кричать начала, мол, она своими вопросами хочет урок сорвать.

– Зачем она это сделала, – повторял внук без конца, заливаясь слезами, а я сидела потрясённая, не зная, что сказать.

– Это я виноват во всём. Я тебе наврал, что охранник сообщил про сумку. Это я рассказал ребятам, я слышал, как ты маме по телефону докладывала всю эту историю. Я зашёл домой, ты не видела, что я пришёл, я был на кухне, когда услышал, что ты про Ленку говоришь. Ты ещё сказала: “Такая симпатичная девчонка у такой матери!” И ещё ты сказала, чтобы ни одним намёком не дать мне знать, что произошло в магазине. А мне тогда было обидно, что Ленка не захотела со мной сидеть и пересела на последнюю парту. Я только одному Генке рассказал, а он уже пустил по всему интернету.

Я знала о существовании кибербуллинга, попросту говоря, электронного насилия. Я читала, что этому виду насилия подвергается чуть ли не треть подростков от 12 до 15 лет в Англии и Франции. Но там уже поняли, что с этим видом травли надо активно бороться, так как это не безобидное развлечение, оно порой доводит подростков до самоубийства. Публикация злобных измышлений, видео, фото, оскорбляющих и унижающих человека, для некоторых ребят становится формой мести или возможностью безнаказанно вылить свою агрессию, почувствовать себя суперменом, изживая таким гадким способом свои комплексы.

Анонимность таких высказываний развязывает самые низкие свойства человеческой природы. В Америке, кажется, был громкий процесс, когда девочка перерезала себе вены, не выдержав атаки троллей, которые от лица мальчиков сообщали всему свету, что её парень гей. И самое омерзительное: в ходе расследования оказалось, что всё это подстроили её подруги, одноклассницы несчастной, и что её парень нормальной ориентации.

Теперь всё это докатилось и до нас. Мы не пытаемся контролировать новые формы “разборок” между детьми и строго наказывать поклонников электронного буллинга.

А внук, захлебываясь от слёз, продолжал рассказывать, что писали эти тролли своей однокласснице на специально созданной странице в “фейсбуке”.

Я больше не могла это слушать, вышла на улицу. Было жарко, а я дрожала от холода, в воздухе кружились клочья снега, и земля была покрыта белым покрывалом – цвели тополя, и я беззвучно повторяла только одно: “Леночка, зачем ты это сделала? Прости нас, если слышишь”.

Грех по нашей вине убитой жизни станет теперь частью нашей судьбы.